

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

И. А. Болдырев

Никлас Луман и экономическая наука

БОЛДЫРЕВ Иван Алексеевич — старший преподаватель кафедры экономической методологии и истории ГУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: iboldyrev@hse.ru

В статье рассматриваются экономические взгляды одного из ключевых социологов второй половины XX в. Никласа Лумана (Niklas Luhmann; 1927–1998). Автор данной работы вписывает исследование экономики как социальной системы, предложенное Луманом в конце 1970 — начале 1980-х годов, в контекст эволюции и методологических проблем современной экономической теории и показывает, во-первых, какие идеи Лумана созвучны современным экономико-теоретическим концепциям, а во-вторых — в чём заключается специфика его подхода.

Ключевые слова: экономика как социальная система; деньги; цены; рынок; редкость.

Введение

Никлас Луман был социальным теоретиком, который попытался создать универсальную онтологию современного общества. Он разрабатывал концептуальный аппарат, связывающий общую теорию систем, идеи коммуникации и социальной структуры общества, биологические и эволюционные идеи. Теория Лумана в целом здесь подробно не рассматривается. В данном тексте мы пытаемся определить место *учёного* в истории современной экономической мысли, поставив его идеи на повестку дня современной экономической методологии (обсуждение открытых и замкнутых систем в экономической теории) и оценив его видение экономики, обобщённое, главным образом, в труде «Wirtschaft der Gesellschaft» («Хозяйство общества») — первой книге, посвящённой отдельной подсистеме социальной системы¹.

Задача найти место некоторым экономическим идеям Лумана в истории современной экономической теории безусловно интересна, но до сих пор не привлекала должного внимания². Его теоретический стиль довольно необычен, а форма выражения нередко воспринимается как тёмная, а порой и вовсе и недоступная для понимания. Лумана нелегко вписать в общепринятую классификацию наук, отнеся его экономические труды, скажем, к экономической социологии. Но ввиду широкого признания его работ в со-

¹ Эта книга [Luhmann 1988], в названии которой очевидна аллюзия на работу М. Вебера «Хозяйство и общество», стала первой в целом ряду трактатов, где предметами рассмотрения являются наука, риск, право, массмедиа, искусство. Кроме того, Луман посвятил специальные работы таким темам, как любовь и система образования. «Хозяйство общества» задумано не как книга, а как сборник статей, написанных большей частью в конце 1980-х годов. О сложном понятии подсистемы у Лумана см. ниже. — *Здесь и далее примечания автора.*

² См. общие вводные работы, посвящённые концепции Лумана: [Kneer, Nassehi 1993; Baraldi, Corsi, Esposito 1997; Krause 2005].

временной социальной теории³ можно предположить, что и экономическая концепция Лумана небезынтересна. В данной статье содержится критический комментарий, который мог бы стать первым шагом в историческом анализе экономических идей, возникающих внутри различных социально-гуманитарных дисциплин. Анализ экономических идей Лумана позволяет осмыслить как взаимодействие между социальной и экономической теориями, так и те идеи, которые возникают как следствие холистического видения экономической реальности, а именно такое видение мы находим у Лумана.

Социальная теория Лумана была изложена и критически оценена в рамках эволюционной экономической теории [Hutter 1994], в экономической методологии [Viskovatoff 1998; 1999; 2000; 2004] и экономической социологии [Beckert 2002: Ch. 4]. Но до сих пор не ясно, является ли экономическая концепция Лумана экономической теорией, версией экономической социологии или просто приложением некоторой общей структуры его теории к экономическим темам. Теоретической перспективе Лумана необходимо дать более точную квалификацию. Есть ли в экономической теории темы и идеи, которые могли бы прояснить или уточнить темы и подход Лумана? Наша работа направлена на выявление параллельного развития и дискуссий в рамках экономической теории и интерпретирует тексты Лумана в свете современной экономической мысли.

Работа построена следующим образом: сначала мы рассмотрим общее видение экономической системы в «Wirtschaft der Gesellschaft» и сравним её восприятие Луманом с некоторыми недавними изысканиями на эту тему в экономической методологии, а также обсудим, как в свете современной экономической науки можно интерпретировать неприятие Луманом методологического индивидуализма и разделение открытых и замкнутых систем (раздел «Экономическая система»); затем в разделе «Цены и деньги» представим более подробный анализ этих самых главных экономических категорий, используемых Луманом; разделы «Рынок» и «Редкость» посвящены соответствующим экономическим понятиям, используемым в «Wirtschaft der Gesellschaft»; в заключительном разделе даны выводы и обсуждается возможность применения идей Лумана в экономической теории.

Экономическая система

Для Лумана хозяйство есть *социальная система*. Но что такое система? «Исходным пунктом любого системно-теоретического анализа должно быть *различие системы и окружающего мира* — на сей счёт сегодня есть, пожалуй, полный профессиональный консенсус» [Луман 2007: 41]. Таким образом, понятие «система» для Лумана определяется прежде всего идеей о том, что именно объекты поддерживают различие между ними самими и их средой.

Наиболее важной чертой социального для Лумана является то, что оно связано с коммуникацией. Коммуникации в экономике — это платежи, регулируемые деньгами и ценами. Любую коммуникацию можно осмыслять и воспроизводить лишь в связи с другими коммуникациями.

Каждая социальная система дифференцирована в соответствии с символически обобщённым средством коммуникации. «Обобщённый» здесь понимается как устанавливающий связь между различными феноменами, но *не делающий их идентичными* и сохраняющий тем самым их специфику. В случае экономической системы таким медиумом выступают деньги (см. ниже).

Экономика представляет собой подсистему социальной системы. Луман в различных формах (в основном следуя К. Поланьи, но иногда гораздо абстрактнее) описывает самодифференциацию, выделение экономической подсистемы и её всё возрастающую автономию внутри общества. Современность для

³ В частности, идеи Лумана упоминаются и обсуждаются во многих популярных учебниках по социальной теории; см., например: [Ritzer, Goodman 2003; Baert, Carreira da Silva 2010].

него — это ситуация полностью дифференцированной экономики, в которой идеологически обозначено, что спасение, политические должности и любовь не могут продаваться и покупаться или зависеть от экономических расчётов [Baecker 2010 (Mimeo): 4]. Появление этой дифференцированной экономики способствовало возникновению предмета экономической науки в XVIII в.

Каждая дифференцированная подсистема имеет собственный *код*, который является её *differentia specifica*⁴. Здесь фундаментальную роль играет понимание различия, так как любая подсистема сохраняет и воспроизводит её *несходство* со средой и в то же время создаёт внутренние *отличия*, чтобы управлять собой. Подсистемы не просто равнодушны друг к другу, каждая из них «перекодирует» на свой лад все приходящие извне сигналы. Юридический факт, к примеру, имеет экономический смысл внутри системы хозяйства, только будучи должным образом перекодирован. «Общество» для Лумана — это не сумма разных подсистем одной социальной системы (как было у Т. Парсонса), а общий термин, который представляет «общественное», существующее в различных формах. Следовательно, «подсистема социальной системы» не означает, что экономика является частью общества. Смысл его в том, что экономические коммуникации — это форма социальной деятельности.

Онтологический уровень коммуникации не совпадает с уровнем ресурсов (в экономической теории — товары, услуги, природные ресурсы) и ментальных состояний (в экономической теории — предпочтения). Однако и ресурсы, и ментальные состояния суть одновременно объекты и необходимые условия коммуникации. Таким образом, Луман *отказывается от методологического индивидуализма*, настаивая на нередуцируемом характере социального и бесполезности поиска микрооснований общественных явлений⁵. Он не признает логику редукционистской аргументации, утверждая вместе с приверженцами общей теории систем, что каждый элементарный социальный атом обусловлен системой в целом [Luhmann 1988: 48–49]. Это неприятие, которое может показаться спорным, в то же время сопровождается чрезвычайной гибкостью при выборе концептов и перекраивании традиционных оппозиций. Индивид воспринимается как *среда*⁶ социальной системы.

Такая свобода в переосмыслении устоявшихся представлений созвучна в какой-то степени различным теоретическим стратегиям современной экономической теории. С одной стороны, мы можем заметить характерную для современных экономистов редукцию индивидуальных характеристик до ментальных состояний (поведенческая экономическая теория), а с другой — экономический анализ группового поведения и непосредственных взаимодействий агентов, агентно-ориентированное моделирование (см.: [Kirman, Zimmerman 2001; David, Fagiolo 2008]), исследование различных диффузных когнитивных структур, которые не обязательно соотносятся только с индивидом, принимающим решения в соответствии с его и (или) её убеждениями и предпочтениями [Ross 2005; Kirman 2008]. Это значит, что экономисты 1970–1980-х годов и Луман, который воспринимает индивида как устаревшее понятие, «зависшее» где-то между физическим организмом, когнитивной системой и социально сконструированным, социально обусловленным субъектом [Viskovatoff 2004: 2], шли похожими путями.

Сказанное относится и к понятию «рациональность». Луман утверждает, что экономическая теория нужна, чтобы распознать причинное воздействие экономической активности на среду [Luhmann 1988: 38], — позиция, очень близкая обсуждению проблем экологии в современной экономической теории. Проблемы неравномерного развития, конфликта между экономической системой и её окружением решаются с помощью нестабильности цен. Но именно из-за такого простого решения цены не могут предоставить полной информации об окружающей среде системы: чтобы понять, каких ресурсов

⁴ Видовое отличие; характерная особенность; отличительный признак (лат.). — *Примеч. ред.*

⁵ Ср. близкие по тематике, но совершенно иные по характеру дискуссии в экономике: [Janssen 1993; Hartley 1997].

⁶ Среда — не пространственное понятие. Это метафора, описывающая всё, от чего система дифференцирует, отличает себя. У Лумана, насколько мы понимаем, два типа среды: экологическая и социальная (коммуникативная).

действительно недостаёт, нельзя полагаться только на цены. Поэтому Луман отказывается присвоить титул рациональности системе цен самой по себе (как способу дифференциации экономической системы); при этом рациональность определяется на языке теории социальных систем, то есть как ситуация, при которой «единство различия между системой и (её) средой воспроизводится внутри системы» [Luhmann 1988: 42]. Рациональность для Лумана недостижима как эффективность или оптимизация, а скорее есть черта стабильной системы, которая исправляет внутренние и внешние ошибки перед лицом растущей неопределённости [Luhmann 1988: 122]. И *не индивиды* рациональны, а *вся система в целом*: система, которая устойчива и действует должным образом. «Никто и не подумает описывать деятельность муравейника, изучая поведение “репрезентативного муравья”, однако многие опишут распределение усилий и ресурсов как “эффективное”», — пишет известный специалист по исследованию экономики как сложной системы А. Кирман [Kirman 2008].

Но сходства лумановских конструкций с экономической наукой ещё глубже. Луман отвергает методологический индивидуализм (и понятие действия, предлагавшееся его учителем Парсонсом⁷) на том основании, что понятие «коммуникация» лучше подходит для определения взаимозависимости, социальной обусловленности взаимодействий между людьми в обществе. Утверждение, что «агент коммуницирует», для Лумана бессмысленно. Он скорее сказал бы так: «Социально обусловленные в своей деятельности агенты коммуницируют, воспроизводя коммуникацию и реагируя на действия друг друга», поэтому «социальная система производит коммуникацию». Современная экономическая теория с её интересом к дизайну механизмов, стимулам (как интересубъективным ограничениям), контрактам, сетям и институтам, похоже, демонстрирует такое же смещение акцентов от просто индивидуального поведения к интеракциям (по-прежнему концептуализируемым в основном как игры) и к относительно стабильным структурам взаимодействий (равновесиям, институтам, конвенциям и т. п.) как к чему-то, существующему наряду с ментальными состояниями отдельных агентов. Более того, для современных теоретиков сложных систем то, «[к]ак индивидуальные агенты принимают решение о том, что им делать, может не иметь большого значения. Происходящее в результате их действий может в большей степени зависеть от структуры взаимодействия, опосредующей их деятельность: кто с кем взаимодействует согласно каким правилам» [Arthur et al. 1997: 9].

Луман не использует равновесный анализ⁸ — напротив, как будет показано ниже, его интересы ведут экономическую мысль в другом направлении. Но его главное намерение — *объяснить* появление некоторых институтов — характерно (вопреки мнению А. Висковатова [Viskovatoff 2000: 137]) даже для современного мейнстрима экономической теории⁹. Точка расхождений здесь — онтологические воззрения большинства экономистов, которые вряд ли согласятся с идеей Лумана о том, что системы существуют и производят коммуникации *независимо* от желаний и устремлений индивида.

Экономическая система для Лумана одновременно открыта (её самовоспроизводство возможно только в некоторой среде и осуществляется через дифференциацию, различение себя и среды) и замкнута (элементы среды не используются как основа для воспроизводства системы — только коммуникации являются формами этого процесса). Замкнутость означает, что логика системы не распространяется на её среду — экономика не вступает с нею в денежный обмен.

Дихотомия замкнутости и открытости — это для Лумана устаревший стиль аргументации в социальной теории. Как подсистема, которая сама относится к другим подсистемам, экономика адаптируется

⁷ Мы ни в коей мере не утверждаем здесь, что Т. Парсонс был методологическим индивидуалистом, его позиция была сложной и эволюционировала во времени.

⁸ Более того, он критикует теорию равновесия, апеллируя к работе: [Kornai 1971].

⁹ Эта тенденция очевидна в ряде работ; см., например: [Shleifer, Glaeser 2002; 2003; Acemoglu, Robinson 2006; Норт 2010].

и старается выполнять задачи, поставленные её социальной средой, но в отношении к обществу в целом — автономна и эволюционирует по своим собственным законам [Luhmann 1988: 63]. Экономика — тоже сложная, даже сверхсложная система, которая рассматривает собственную сложность как проблему и старается справляться с нею в рамках различных контекстов (в производстве, потреблении и т. д.); на этом основании Луман называет её поликонтекстуальной системой [Luhmann 1988: 96, 126]. Данная концепция заимствована из логики Готтхарда Гюнтера.

В экономической методологии дискуссии о замкнутых и открытых системах привели к ряду обобщений. Мы рассмотрим одну из таких работ [Chick, Dow 2005] в связи с Луманом. При обсуждении систем Виктория Чик и Шейла Доу разграничивают *реальность* и *теорию*. Открытые системы реального мира неатомистичны: агенты в них могут учиться, структуры и взаимодействия — эволюционировать, последствия и результаты действий нередацируемы до индивидуальных поступков (следовательно, методологический индивидуализм не работает), набор связей в любой системе неполон, внутренние и внешние их границы могут меняться. Для теории это значит, что число *существенных* для анализа переменных и их характер (эндогенность и (или) экзогенность) не зафиксированы, отношения между ними могут быть нестабильными, а наши знания о границах системы и её окружении — неточными.

Чик и Доу понимают, что системы в реальном мире открыты, но допускают использование замкнутых систем в теории, когда эффекты открытой системы хранятся «в уме» и теория постоянно переформулируется, перестраивается. Другая идея состоит в том, что не существует абсолютно открытых и абсолютно замкнутых систем, можно говорить лишь о степени их открытости.

Теперь мы можем констатировать, что и Луман, и методология открытых систем предлагают начинать со сложности, а не с простых предпосылок. Конструктивная природа рассуждений Лумана (наблюдатель определяет различия и потому как бы создаёт свой объект исследования) близка к идее гибкости и изменчивости границ теоретических систем, равно как и принципиальной неполноты открытой системы в подходе Чик и Доу. Все они отказываются принять чёткую дихотомию открытой и замкнутой систем, правда, по разным причинам: для Лумана любая система *полностью* замкнута и *полностью* открыта в одно и то же время, тогда как для Чик и Доу существует диапазон от абсолютной замкнутости до абсолютной открытости (как идеальных случаев).

Луман предлагает видение экономики, в котором объединяются открытость и автономия и придается смысл «держанию в уме» сложных взаимодействий при моделировании замкнутых систем. По Луману, система не видит своей среды; скорее сама среда провоцирует изменения внутри системы, которая реагирует на эти изменения, следуя собственному коду. Модель системы, видящей лишь себя, даёт возможность сосредоточиться на экономическом анализе в собственном смысле, то есть сконцентрироваться на специфически *экономических* взаимодействиях, не забывая при этом и о среде, которая, конечно, воздействует на экономические процессы.

Воспроизводство экономики не телеологично. Экономическая система является аутопойетической, а это означает, что она воспроизводит себя при помощи собственных элементов, которые, в свою очередь, производятся системой¹⁰. Неудивительно, что экономическая модель, в которой, по мнению Лумана, впервые представлен анализ экономики как дифференцированной подсистемы, — это «Экономическая таблица» Ф. Кенэ [Luhmann 1988: 79]¹¹.

¹⁰ Луман заимствует понятие аутопойетической системы у биологов Матураны и Варелы [Maturana, Varela 1980].

¹¹ Круг в воспроизводственном процессе в трактовке Лумана необходимо было разомкнуть, и это произошло, когда физиократы ввели понятие сил природы, земли как единственного средства произвести «чистый продукт». Но в то же время экономика у физиократов воспроизводит себя, следуя собственной, автономной логике — логике своих законов.

Функция экономики не только в том, чтобы справляться с естественной ограниченностью ресурсов, но и в том, чтобы разрабатывать механизмы удовлетворения будущих потребностей и координации текущих потребностей с будущими. *Социальный* характер этой функции (вкуче с временным характером указанных процессов) вызван тем, что люди либо преследуют одни те же цели и поэтому возникает конфликт интересов (например, желание получить один и тот же товар или одну и ту же услугу) или же недостаточно работают (то есть неэффективны).

Деньги и цены

Перейдём к рассмотрению собственно экономических категорий в книге «Wirtschaft der Gesellschaft». Экономическая система становится дифференцированной с *возникновением денег* (как способа коммуникации, который вместе с тем обуславливает её или увеличивает вероятность её появления). *Деньгами обеспечиваются платежи*, определённый коммуникационный механизм. Платежи — это ограниченные во времени события, которые формируют онтологическую основу экономической системы. Они суть «клетки», через которые «аутопойетическая» система воспроизводит себя и которые сами воспроизводятся этой системой. Они не устойчивые сущности, а мимолётные события, но вместе с тем именно эти события представляют собой необходимые условия выживания системы. Платежи обуславливают другие платежи, создают благоприятные возможности для этих новых платежей и соответствующих ожиданий, обеспечивая тем самым удовлетворение будущих нужд и выполняя задачи экономики. Это постоянный и самоподдерживающийся процесс, потенциально бесконечный или (по крайней мере) чрезвычайно устойчивый по отношению к любым изменениям.

Платёж — это рефлексивный процесс; платежи могут быть обеспечены только другими платежами. Платить — значит дать возможность осуществиться платежам других людей, но в то же время лишиться возможности платить ещё раз (или оплатить альтернативный товар и (или) услугу), что, в свою очередь, заставляет восстанавливать платёжеспособность, иначе внутри системы не удержаться [Luhmann 1988: 134–135]. Луман называет это двойным кругооборотом, состоящим не из денег и товаров, а из взаимосвязанных кодовых структур платежа и неспособности платить. Возмещение выполняется с помощью инвестиций (если агент платит, чтобы вернуть деньги), налогов (если речь идёт об общественных расходах) или труда (в домохозяйстве). Луман утверждает, что движение товаров и услуг возникает как следствие такого движения платежей [Luhmann 1988: 137]. Этот постулированный приоритет помогает ему дать рациональное объяснение парадоксу замкнутости и открытости: экономическая система должна быть замкнутой — иначе она не может быть открытой, чтобы выполнять свои функции для различных сред. Двойной кругооборот может функционировать в соответствии с его собственной логикой платежей (экономическая рациональность, эффективность), он не направляется какой-то внешней логикой политической или семейной жизни. Но правительство (в отношении государства) и труд (в отношении домохозяйства) остаются важными условиями существования этого двойного кругооборота платёжеспособности и неплатёжеспособности.

Поток платёжеспособности ясно прослеживается в традиционной экономической теории в отличие от второго потока, который устремляется в другом направлении, передавая «по эстафете» неплатёжеспособность. Можно выделить первый поток, чтобы акцентировать внимание на платёжеспособности, или второй, чтобы подчеркнуть важность удовлетворения потребностей. Банковская система объединяет оба аспекта, создавая платёжеспособность, но в то же время с прибылью монетизируя долги, то есть неплатёжеспособность, и обеспечивает функционирование обоих потоков, предоставляя возможность отсрочить платежи, с одной стороны, и продавая время — с другой; обладая деньгами, с одной стороны, и не обладая ими — с другой. Чтобы обеспечить стабильность системы, необходимо, чтобы два потока были разделены и действовали в разных направлениях [Luhmann 1988: 148].

Для самодифференциации система должна содержать некий развёртывающийся механизм самореференции, отсылки к самой себе, который её воспроизводит и придаёт ей стабильный экономический смысл. Деньги отсылают и должны отсылать (раз экономика — открытая система) к другим объектам (товарам, потребностям, последствиям действий). Именно комбинация и взаимозависимость самореференции и референции по отношению к другим объектам, согласно Луману, и составляет природу экономической системы как открытой и в то же время обеспечивает её стабильность в будущем. Экономическая система замкнута, но она стремится стать открытой, ибо каждый платёж должен найти основание за пределами чистой логики платежей (платить, чтобы обеспечить другие платежи), и это основание должно быть найдено именно в окружающей среде. Одно без ж другого не существует¹².

Понятие «платёж» тесно связано с понятием *цены*, как механизма, делающего возможными платежи, трансформирующего «кодирование» в «программирование» [Luhmann 1988: 227], в конкретные правила действия, и являющегося формой, в которой ожидается поступление этих платежей [Luhmann 1988: 41]. Самодифференциация экономики представляет собой одновременно причину и следствие возникновения системы цен. Рассуждение в терминах цен становится отличительной чертой тех процессов, которые принадлежат «разукоренённой», обособившейся экономике [Luhmann 1988: 111]. Система цен — это знак, идеальная репрезентация реальных процессов платежей¹³. Цены разрешают «парадокс платежей», согласно которому, раз заплатив, вы больше заплатить уже не можете [Luhmann 1988: 226–227]. Цены дают информацию, они одновременно формируют и информируют наши ожидания — эти идеи, выдвинутые в экономической теории, близки Луману, который не делает явных ссылок на своих предшественников (например, на Ф. Хайека).

Кроме того, Луман различает ценности (как социальные индикаторы экономической деятельности, показывающие реальное значение неких объектов или процессов для общества) и цены (как средство аутопойезиса системы) [Luhmann 1988: 55]. Но цены суть тоже инструменты обобщения, они создают такую экономическую систему, в которой нет места для «лишней» информации о платежах, отличной от простого кода: платить или не платить. Система цен должна быть гибкой, чтобы отражать постоянно меняющиеся динамические процессы денежной коммуникации. Абстрактный характер цен возможен только тогда, когда само различие между абстрактной системой цен и многочисленными реальными факторами, на нее воздействующими, устойчиво и воспроизводимо.

Чрезвычайная гибкость системы цен создаёт неопределённость, связанную с деньгами (здесь Луман следует таким экономистам, как К. Маркс или Дж. М. Кейнс). Внутренняя неопределённость и гибкость цен помогают справиться с внешней неопределённостью. (Такая же логика используется в организациях, которые сталкиваются с внешней нестабильностью и сами, чтобы выжить, должны быть нестабильны.) Тожественность цены, возможность зафиксировать цену и использовать это как некую отправную точку в получении информации и принятии решений — ключ к успешному управлению многообразием и неопределённостью экономической жизни [Luhmann 1988: 110–111]. Как отмечает Висковатов [Viskovatoff 2004: 10], для Лумана важно, чтобы цены определялись в любое требуемое время. По сути, Луман рационализирует Адама Смита: «В одно и то же время и в одном и том же месте... деньги есть точная мера реальной обменной стоимости всех товаров. Но это возможно только в одно и то же время и в одном и том же месте» [Smith 1778: 44]. С помощью этого определённого (но не обязательно стабильного!) числа любой агент может работать в сложной ситуации, с которой сталкивается в любой момент времени. Но после того как платёж осуществлён, все непредвиденные

¹² Это, однако, не означает, что у системы имеется совершенное априорное знание о том, чем в точности является её среда. Луман подчёркивает, что среду формирует рыночный успех в ходе постоянных проб и ошибок и в ситуации неопределённости [Luhmann 1988: 113].

¹³ Параллельными понятиям «платёж» и «цена» (и, видимо, более общими) могут быть соответственно понятия «транзакция» и «контракт» [Hutter 1994].

обстоятельства и случайности, относящиеся к дальнейшему использованию полученных денег или приобретённых ресурсов, вновь вступают в игру.

Луман подробнее говорит о двух способах управления внутренней нестабильностью: либо подняться на уровень выше и ограничить деньги кредитами, таким образом делая цену на деньги (процентную ставку) нестабильной, или же прибегнуть к помощи политической системы с её собственной нестабильностью. Заметим, что каждая система должна иметь собственную логику, и Луман старается показать, что любое смешение политической и экономической логики — это просто иллюзия. Обе сферы — политическая и экономическая — создают нестабильность, необходимую для контроля их собственных сред (для которого нужны, конечно, и взаимная зависимость, и влияние друг на друга). Такая зависимость, по мнению Лумана, имеет последствия для экономической политики: он советует не смешивать экономическое с политическим и не выделять чрезмерно ни одну из двух сфер.

Таким образом, цены являются самореференцией, саморепрезентацией, самоописанием (*Selbstbeschreibung*) сложной экономической системы, позволяющей ей получать информацию о себе и своей среде [Luhmann 1988: 113–114]. В частности, цены как социальные факты [Luhmann 1988: 118] позволяют экономическим агентам наблюдать экономическую деятельность, а также следить за этими наблюдениями. Однако Луман не готов признать, что цены содержат *всю* актуальную информацию о системе и её среде. Нетрудно вообразить ситуацию, когда дело может кончиться неудачей, если руководствоваться только ценами.

Цены, кроме того, суть форма, в которой ожидается поступление и осуществление денежных платежей. Системный характер цен следует характеризовать со структурной точки зрения. Критикуя цены (например, с позиций гуманизма, социальной справедливости и т. д.), мы не критикуем (структурно) сам ценовой механизм. Такой анализ требует системно-теоретического подхода, основанного не на труде как фундаментальной категории (см. у Маркса), а на деньгах как коде экономической коммуникации.

Луман, следуя за Парсонсом, рассматривает *деньги* как *символически обобщённый медиум*. Они являются социальным механизмом, формой языка, которая позволяет системе платежей работать в будущем. Участие в глобальных процессах социального обмена происходит посредством денег, которые помогают агентам универсализировать их потребности и интересы, но только при условии, что природная редкость будет символически удвоена редкостью денег — сам код должен быть редким, чтобы адекватно выразить ограниченность ресурсов, присущую реальному миру (хотя очевидно, что эти два типа редкости, по сути, разные). Таким образом, экономическая система интернализует редкость и воспроизводит её, используя банковскую систему [Hutter 1999]. Перед лицом растущего разнообразия и разнородности мотивов, нужд и предпочтений, которые могли бы сделать экономические коммуникации (платежи) всё более и более сложными и маловероятными событиями, деньги помогают управлять этой сверхсложной системой — системой, где агенты сталкиваются со слишком большим количеством альтернатив, из которых должны выбирать. Легко приходит на ум метафора Вавилонского столпотворения — хаоса, который мог бы возникнуть, если бы наш универсальный код был утерян. Сам код работает, благодаря гетерогенности, внутренне присущей взаимодействиям товаров и (или) услуг и денег. Деньги — это символ, реально присутствующее, зримое «тождество в различии», что для Лумана, следующего за Парсонсом¹⁴, наряду с символизацией обеспечивает также генерализацию [Ganßmann 1988]. Как символ они не являются знаком, отсылающим к чему-то ещё (в экономической теории сказали бы, что деньги — не завеса, прикрывающая некие фундаментальные отношения ценности или полезности), а автономная сущность, выполняющая множество функций, например, она по-

¹⁴ Отметим, что для Парсонса символически генерализованные средства обеспечивают коммуникацию *между* подсистемами социальной системы, для Лумана же деньги — исключительно *внутренний* код, ибо экономика для него — это общество в целом, только кодированное определённым образом.

могает нам избегать конфликтов по поводу ограниченных ресурсов, перекодируя насилие и превращая его в экономический обмен [Luhmann 1988: 253]. Поначалу деньги кажутся чем-то существующим вне экономической системы, но на самом деле они создаются внутри неё [Hutter 1999].

Уровень развития экономической системы характеризуется, по Луману, всеобщностью денежного кода: в развитых странах *не всё может быть куплено за деньги*; это признак того, что экономическая система полностью дифференцирована [Luhmann 1988: 239]. Следовательно, деньги, как любое другое символически обобщённое средство коммуникации (хотя и парадигмальное), помогают решить проблему *двойной контингентности*, сформулированную впервые Парсонсом: в социальном взаимодействии поступки индивида контингентны не только по отношению к его знаниям, когнитивным способностям, состоянию природы и т. д., но также в отношении поступков других людей [Parsons 1968: 436]. Эта проблема влечёт за собой «радикальную неопределённость по поводу намерений партнёра по взаимодействию» [Beckert 2002: 204] и, следовательно, делает коммуникацию всё более трудной.

Принимая деньги, мы принимаем различные варианты выбора, сделанного другими индивидами, что бы они ни хотели купить. Ясно, что это отклонение от схемы Парсонса, поскольку он апеллировал к неким разделяемым всеми нормам и ценностям как к средству стабилизации процессов взаимодействия. Луман, напротив, говорит о растущей субъективизации и, следовательно, произвольности экономических целей, с которыми нужно что-то делать. То, что в деньгах символично (то есть выполняет интегрирующую функцию), может быть и «дьяволическим» (разделять, разъединять людей) — само понятие генерализации подразумевает возможность разных точек зрения. Луман пытается встроить в свою теорию критику денег, говоря о «тёмной» стороне денежной системы, как о чём-то, что может вызвать отчуждение, враждебность и недоверие у людей, воспринимающих деньги как то, что принадлежит другим; богатство, которое не является собственностью. Чтобы объединить эти перспективы, Луман делает спекулятивный ход: денежная генерализация символична в действии, обуславливая обмен, но когда мы воспринимаем её как регулирующую инстанцию для редкости, она оказывается дьявольской. Можно интегрировать эти две перспективы, введя в систему наблюдение, то есть давая ей возможность наблюдать за собой (именно так происходит и с деньгами).

В то же время понятий «медиум» и «код» недостаточно для управления действием. И Луман вынужден был ввести ещё понятие «программа» — средство интерпретации кодов. Й. Беккерт [Beckert 2002: 221–227] видит здесь ответ на критику (например, Р. Мюнхом), согласно которой экономическое действие в трактовке Лумана становится чисто механическим следованием определённым (довольно односторонним и примитивным) правилам, не принимающим во внимание другие важные коды, главным из которых оказывается моральный (добро — зло). Экономическое действие к этому коду безучастно. Но, используя программы (а они аналогичны постулату практической максимизации полезности в ортодоксальной экономической теории, где он добавляется к аксиоме ограниченности ресурсов), мы можем ввести внеэкономические мотивы в экономическую систему, закодирав их должным образом, что будет способствовать открытости системы.

В связи с логикой Лумана возникает одна интересная философская проблема. Событие, конституирующее систему, постоянно воспроизводится в ней и принимает участие в процессе воспроизводства системы (аутопойезис). Но в то же время каждое событие (платёж) *уникально* в пространстве и времени. Но как совместить репродуктивную логику платежей с необратимостью, историчностью экономического развития¹⁵? Логика событий, происходящих во времени, явно не в ладах с аутопойетической

¹⁵ Вальтер Беньямин предложил выразительный образ из барочной драмы: мёртвая голова (*Totenkopf*) — символ, который служит опосредованием, примиряющим преходящее, мимолётность и вместе с тем уникальность конечного человеческого существования и воспроизводящийся, неизбежный в своей воспроизводимости ход вещей, природную необходимость смерти [Беньямин 2002 (1928): 171–172]. Но это лишь метафора, и решается проблема на уровне поэзии и драматургии, а не теории.

логикой теории систем. Более общий вопрос касается динамики: как экономическая система меняется со временем? Готовых ответов на эти вопросы в работах Лумана не найти. Однако они должны быть заданы, если мы хотим продвинуться в понимании экономической системы.

Теперь перейдём к другому экономическому понятию — «рынок»; оно также является фундаментальным для экономической системы и детально рассматривается в книге «Wirtschaft der Gesellschaft».

Рынок

Рынок в экономической науке может рассматриваться как место торговли (некая торговая зона или торговая площадь), как покупательная способность для определённых благ, как специфический механизм координации и социальные структуры, поддерживающие его, и т. д.

Со ссылкой на Х. Уайта [White 1981] Луман определяет рынок не как торговое место и не как систему организаций, необходимых для возникновения экономического обмена, а как зеркало, в котором фирма видит и себя, и своих конкурентов, и их окружение. Зеркало указывает производителям, сталкивающимся с неопределённостью по поводу мотивов потребителей¹⁶, на тот факт, что клиентов недостаточно и за них нужно бороться¹⁷.

Традиционная экономическая теория, как утверждает Луман, не очень интересуется определением рынка просто потому, что любой эмпирический феномен, к которому применима теория равновесия, можно обозначить как рынок [Luhmann 1988: 92]. Но Луман предлагает и более сложное определение. Он использует понятие «соучастная система» (*partizipierendes System*) [Luhmann 1988: 94]. Можно воспринимать экономическую систему как целое — и увидеть самореференциальную систему, а можно воспринимать её как нечто внутренне гетерогенное, дифференцирующееся само в себе. Чтобы показать внутренние различия в экономике, Луман использует понятие «взаимопроникновение» (заимствованное у Парсонса). Соучастная подсистема экономической системы (домохозяйство или фирма) рассматривает рынок как свою собственную, часто неопределённую и несколько размытую, среду. Рынок — это сама экономическая система, взятая не в её полноте, а в «превращении-самой-себя-в-среду» для некоторых «аспектов своей деятельности» [Luhmann 1988: 94]. Эта внутренняя «рефлексия в себя» (если пользоваться гегелевской терминологией) помогает системе *наблюдать себя*, проводя внутренние линии разграничения между («малой») системой и средой (ведь «наблюдать» на языке Лумана значит «создавать различие»). Поэтому адекватный социально-теоретический анализ рынка для Лумана — это наблюдение второго или даже третьего порядка, то есть наблюдение за наблюдением, которые суть результат вышеупомянутой внутренней дифференциации, поскольку только относительно независимая система, дифференцирующая себя от своего окружения, может наблюдать за собой.

Таким образом, система наблюдает за собой, превращаясь в среду для своих собственных действий [Luhmann 1988: 125]. Каждый платёж как действие обусловлен наблюдениями за действиями других; те действия, в свою очередь, оказываются платежами, которые сообщают нам о себе посредством цен. Единство системы и её окружения поддерживается с помощью дифференциации системы и среды.

¹⁶ Недостаток информации вынуждает производителей наблюдать в основном за конкурентами, а не за потребителями (см.: [White 1981, Luhmann 1988: 109]).

¹⁷ Другое определение рынка как различия между внутренней (и потому определённой, управляемой) и внешней (неопределённой) сложностью [Luhmann 1988: 73] несколько более туманно. Неопределённость объясняется тем, что эта внешняя сложность есть результат взаимодействий данной фирмы со своими конкурентами, с которыми она находится в отношениях взаимозависимости (и значит, зависит от их действий). Взаимодействие внутренней и внешней сложности и необходимость его регулировать и создаёт, по Луману, рынок.

Следовательно, рынок рассматривается как поликонтекстуальная система, которая формирует среду для каждой соучастной системы; для каждой из них среда различна (так как каждая система является специфическим центром наблюдения и контексты, таким образом, разные) *и вместе с тем одинакова*. Луман применяет этот «парадокс дифференциации» [Luhmann 1988: 110] к ценам, которые имеют неодинаковый смысл для разных людей и вместе с тем остаются одинаковыми, тождественными. Долговечность и стабильность «разукоренённой» экономики основывается на разнородности нужд и предпочтений, то есть на сложности среды. Эта внешняя сложность регулируется внутренней, которая состоит в неравномерном распределении дохода (денег) внутри экономической системы¹⁸. Заметим, что, по Луману, без системной замкнутости никакой внутренней сложности не создать.

В рамках своей концепции наблюдения Луман обсуждает теорию *рациональных ожиданий*, определяя её как теорию, где акторы внутри системы наблюдают за ней так, как будто они находятся за её пределами. Акцент делается не на системе, которая наблюдает за собой, и не на самой возможности такого самокорректирующего самонаблюдения или «интроспекции», а скорее на процессе наблюдения за теоретической моделью (возможно, Луман имеет в виду процесс рационального принятия решений), которая сама наблюдает за собой [Luhmann 1988: 125]. Акцент Лумана на системе отчасти оправдан его призывом изучать не систему, а её реакции на самонаблюдение и самоописание¹⁹. Он осуждает теорию рациональных ожиданий, которая на первый взгляд близка его собственному подходу, именно за невнимание к этому пункту: как экономической системе удаётся наблюдать за собой и реагировать на самонаблюдение? На этот вопрос, с его точки зрения, макроэкономисты не дают ответа.

Итак, рынок — это среда, которая находится внутри системы и не является самой системой, но в отличие от экономики в целом может частично регулироваться иерархиями и организациями (в качестве примера Луман приводит банковскую систему). Соответственно Луман предлагает различать рыночную и нерыночную экономики. Однако он находит оппозиции «рынок и государство» или «рынок и плановая экономика» неадекватными его пониманию рынка²⁰, и, кроме того, в сложной, самореферентной, обучающейся системе просто невозможно планирование²¹ в силу того, что она наблюдает себя. Эта аргументация очень близка известной критике Лукаса [Lucas 1976] и касается рефлексивности экономического знания в целом. Луман прекрасно осознаёт, что экономическая наука должна вторгаться в реальность, которая в ней изображается, и тем самым определённая теория постепенно теряет свою адекватность [Luhmann 1988: 80].

Понятие «конкуренция» тоже интерпретируется по-новому. Луман считает, что конкуренция не является структурой системы, поскольку к ней нельзя принудить, её нельзя передать по каналам коммуникации или осуществить. Конкуренция — это структура среды, и особенность этой структуры — *минимизация конфликта* (и, конечно, любой непосредственной личной коммуникации между агентами). Таким образом, конкуренция экономит время и снижает другие издержки взаимодействия (экономист сказал бы «транзакционные издержки»), но обеспечивает однородную реакцию *всех* агентов на некое

¹⁸ См.: [Hildenbrand 1983; Grandmont 1987], где похожие интуиции применяются в моделях экономического мейнстрима.

¹⁹ В любом случае, как утверждает Висковатов, Луман придерживается некоей разновидности конструктивизма, когда теоретик, изучая наблюдающие себя системы, сам конструирует свой предмет [Viskovatoff 2000: 152]. Беккерт описывает ортодоксальную экономическую теорию в лумановском духе, утверждая, что постулат максимизации — это просто эвристика, познавательная структура, изобретённая наблюдателем (то есть учёным) и накладываемая на реальность, чтобы работать с неопределённостью [Beckert 2002: 209].

²⁰ Рынок в понимании Лумана (как системная среда внутри экономики, в которой возникают конкуренция, сотрудничество и обмен) существует и «работает» и в социалистической экономике. Такие экономики тоже могут воспроизводиться, а следовательно, как замечает Висковатов, — и наблюдать себя [Viskovatoff 2004: 10]. В качестве противоположности рыночной экономике Луман предлагает не социалистическое, а натуральное хозяйство.

²¹ Ср. похожее рассуждение применительно к экономике сложных систем в: [Arthur et al. 1997].

внешнее событие (Луман здесь ссылается на понятие «социальное заражение», или «миметическое заражение», предложенное М. Аглиетта и А. Орлеаном, которые отталкивались от идей Р. Жирара. В то же время он отказывается от представлений о максимальной свободе, ассоциирующейся с конкуренцией, отмечая, что агент сталкивается с тем же назначением цен, которые он не может регулировать, безотносительно к тому, установлены ли эти цены рынком или властями²². Это важная идея, поскольку Луман здесь выделяет (в контексте экономической системы как целого) противоречивую природу конкуренции как чего-то, что противостоит логике назначения извне и насилия и в то же время должно быть (зачастую насильственно) введено и назначено, сконструировано извне.

Необычная концепция рынка у Лумана всё же созвучна современной экономической социологии и особенно теории игр. Возьмём хотя бы понятие «наблюдение». Оно играет фундаментальную роль в подходе Лумана и в то же время необходимо для анализа любой коммуникации, включая и экономическую. Неудивительно, что анализ наблюдения — неотъемлемая часть современных теоретико-игровых подходов к экономическому взаимодействию. Но перспектива, предлагаемая Луманом, более системна. Да, мы знаем, что агенты наблюдают за действиями других агентов, но что можно сказать о самореференции экономической системы в целом, системы, которая сама наблюдает за собой? Луман призывает экономистов двигаться в этом направлении.

Редкость

Луман переосмысливает понятие редкости (или ограниченности) ресурсов как базовой экономической категории. Редкость создаётся искусственно в качестве *differentia specifica* экономической системы вместе с её возникновением и самодифференциацией. Платежи и цены невозможны в мире, где нет редкости, но для Лумана это не значит, что редкость — естественный феномен, как думают большинство экономистов. Основой редкости Луман считает *самореференциальное* действие — захват (*Zugriff*), который и обусловлен редкостью (она мотивирует захват), и вместе с тем формирует её условия [Luhmann 1988: 179]. Вещи становятся редкими (захватываются), потому что они *уже были* таковыми²³.

Парадокс редкости означает, что борьба с нею, которую ведут одни агенты, неизбежно увеличивает редкость для других [Luhmann 1988: 98]. Этот парадокс самореференции виден в системе, но система разрешает его с помощью бифуркации, вызванной захватом. На языке Лумана бифуркация действует как интегральное целое, тем самым трансформируя парадокс в различие: тот, кто захватывает, уменьшает редкость для себя, а для других тот же акт увеличивает редкость. Это различие развивается и формирует другие различия и структуры (например, структуру неравенства) таким образом, что, когда действующие экономические агенты находятся уже в состоянии редкости, система не замечает парадокса и начинает решать проблемы распределения и т. д. Значения «иметь» и «не иметь» ошибочно формулируются как некая фиксированная оппозиция (вместо взаимной причинной обусловленности). Взгляды социального актора, страдающего от редкости, и взгляды наблюдателя постепенно расходят-

²² Соблазнительно было бы поместить Лумана в контекст различных экономических идеологий и назвать его, например, либералом или интервенционистом, но такой подход бьёт мимо цели: его теория явно находится вне идеологических стандартных оппозиций. И даже если он в тех или иных случаях действительно занимал ту или иную политическую позицию (например, антиинтервенционистскую на тех основаниях, что экономика должна функционировать как автономная подсистема без всяких внешних ограничений, или интервенционистскую, исходя из того, что для борьбы с неопределённостью необходимо сознательно конструировать некие регулятивные институты), для наших целей это не играет большой роли.

²³ Аналогичную структуру Луман обнаруживает в концепции первородного греха: Адама и Еву можно совратить, потому что они уже грешны. Такое рассуждение возникает в Библии не раз: Иуда предал Иисуса, поскольку он изначально был предателем, и т. д.

ся, и наблюдатель становится способен на свободные от оценки, морально нейтральные функциональные суждения и на анализ, например, оптимального роста в контексте ограниченности ресурсов²⁴. Код на языке Лумана определяется как оппозиция в концентрированной форме [Luhmann 1988: 188], и это значит, что отношения собственности как отношения обладания и необладания с соответствующими ожиданиями и структурами (например, бедность, платёжеспособность, наследование) воспроизводятся в пространстве и времени. В этом контексте «иметь» что-либо с системной точки зрения не менее важно, чем «не иметь». Рассуждения Лумана напоминают хорошо известные пассажи Льюиса Кэрролла из «Алисы в стране чудес» в интерпретации Жюль Делёза: Алиса «становится больше, чем была, и меньше, чем стала» [Делёз 1995: 13]. Точно так же и Луман утверждает, что в акте обмена обе стороны тоже действуют и как «невладельцы», поскольку один из них *является* невладелцем, а другой *становится* невладелцем какого-либо блага, поэтому «невладение» не может быть полностью исключено из экономической деятельности.

Луман называет редкость «формулой контингентности» (*Kontingenzformel*) [Luhmann 1988: 191–192], что означает, что она максимально ограничивает спектр возможностей, которыми обладают агенты в системе (возможностей справиться с неопределённостью и формировать ожидания). Парадоксальность маскируется, собственность кажется необходимой для экономической системы в целом, это спасает систему от тавтологии самореференции, но в то же время для наблюдателя такое состояние вещей контингентно, потому что он способен видеть иные возможности.

Только когда код собственности становится стабильным, отношения обмена могут быть формально установлены в отношении передачи имущества. Но тогда обмен начинает управлять собственностью, а не наоборот, как раньше, когда избыточная собственность обуславливала обмен. Деньги начинают играть главную роль как универсальный код для редкости (и новый способ разрешения парадокса редкости путём его удвоения; см. выше). Деньги становятся эквивалентом и регулятором (кодом) также и для собственности. Очевидно, Луман использует известные схемы Маркса, но сообщает читателю, что его язык более универсален и изменения формы стоимости, анализируемые Марксом, являются лишь последствиями изменения кода.

Универсальность денежного кода куплена ценой сужения спектра действий, доступных владельцу собственности. Владелец денег может лишь осуществлять платежи. Код «владеть — не владеть» заменяется на «платить — не платить» (без какой-либо асимметрии, которая была очевидна в первом случае). Деньги ставят обмен в зависимость от редкости, а она становится единственным основанием для обмена в автономной экономике. Денежный код реализуется в рамках определённых программ, которые представляют собой решения об инвестициях и потреблении.

Искусственная редкость денег может выполнять свою функцию, только когда она функционально отличается от редкости товаров, то есть не мыслится просто как редкость одного из многих других товаров. Оправдание денег с системно-теоретической точки зрения основано на свободном от парадоксов способе описать редкость [Luhmann 1988: 201]. Луман создаёт новые парадоксы и предлагает (весьма произвольно) новые оппозиции, к которым тем не менее следует отнестись внимательно, поскольку они могут оказаться полезными для общего видения экономики.

---

²⁴ Схожее переструктурирование парадокса можно наблюдать и в религии, где эпифания сакрального вначале понимается как парадокс: она одновременно есть нечто ужасающее, страшное, но в то же время восхитительное и неповторимое в своей славе. Необходимо было переструктурировать нравственность и ввести моральный код в теологию, тем самым открыв дискуссии о правилах морального поведения и о последствиях злых поступков и переформулировав парадокс в том смысле, что для грешников — в противоположность праведникам — встреча с Богом будет иметь самые печальные последствия.

Заключение

Анализ некоторых категорий, обсуждаемых в книге «Wirtschaft der Gesellschaft», показывает, что понимание Луманом экономики — лишь одна форма применения значительно более общей исследовательской программы. Идеи Лумана не связаны замыслом создания цельной экономической теории. Он отличает свою работу от того, что называет «описаниями состояний» (*Zustandsbeschreibungen*) экономических систем [Luhmann 1988: 127–130]. Вместо этого он разрабатывает набор понятий, пытаясь с их помощью описать фундаментальные (но в общем ненаблюдаемые) свойства экономического мира и законы экономической жизни, перевести их на язык своей социальной теории. К таким исследованиям современная экономическая теория не склонна.

Холистический подход Лумана не следует воспринимать как замену экономической теории в собственном смысле, что отличает его тексты от других подходов к экономической социологии. Таким образом, концепция Лумана не является экономической теорией или одной из версий экономической социологии. Бессмысленно соотносить её с данными, искать эмпирические аргументы в её пользу и т. д. Это более общая конструкция, набор понятий и *эвристик*, важный для современных исследовательских стратегий и в мейнстриме, и в гетеродоксальных направлениях современной экономической науки. Луман фактически выстраивает социальную онтологию экономического мира — экономическую метафизику.

В частности, он предлагает специфическое понимание *экономического* как такового. Его взгляды отличаются от стандартных идей экономических империалистов, которые считают понятие «экономический» прилагательным, характеризующим любые целенаправленные рациональные действия в разных контекстах (они могут быть политическими, семейными и т. д.). Луман не акцентирует внимание на индивидуальном поведении. Вместо этого он находит гораздо более аутентичное и близкое к экономике как таковой основание всех экономических явлений (платежи, цены, деньги).

Что касается упомянутых эвристик, то они включают отказ от методологического индивидуализма, анализ на языке теории сложных систем, отсутствие простых однонаправленных причинных зависимостей, неопределённость как изначальную предпосылку, а также функциональные объяснения. Как сказано выше, все эти идеи сейчас разрабатываются теоретиками сложных систем в экономической науке.

Другое стратегическое направление, которое, по-видимому, указывает нам онтология Лумана, можно описать как *тенденцию к эндогенизации*. Все явления объясняются изнутри системы, а сама система функционирует в соответствии со своей логикой. Желание эндогенизировать различные явления чрезвычайно характерно для экономистов второй половины XX в., и этот факт объединяет Лумана и современную экономическую науку.

Идея Лумана о том, что замкнутость экономической системы не исключает её открытости, может прекратить бесполезные споры о том, какой теоретический объект важнее — открытые системы или замкнутые. Конечно, само представление о системе, следующей своему специфическому коду, — интересный способ описания и основа холистического подхода в экономической науке. Как мы показали, современные подходы к моделированию экономики как сложной развивающейся системы движутся по тому же теоретическому пути.

Онтологическая позиция Лумана, его внимание к коммуникации, а не просто к целенаправленному действию, воспроизводится (возможно, неосознанно) в некоторых современных дискуссиях; например, в анализе «рынков как механизмов программного обеспечения, эволюционирующих в среде, со-

стоящей из людей, и не преследующих никакой конечной цели» [Mirowski 2004: 506]. Игры, конвенции и другие интересубъективные структуры в экономической теории можно анализировать, принимая во внимание их системную и самореференциальную природу²⁵. Система, воспроизводящая себя через коммуникацию (понятие, в современной экономической теории практически не используемое) и наблюдающая себя, — хорошая метафора, удачно описывающая все эти новые теоретические тенденции. Как показывает анализ редкости у Лумана, экономическая коммуникация может также обнаруживать парадоксы, которые имеет смысл выявлять.

Какой могла бы быть экономическая теория в духе Лумана? Она содержала бы детальный анализ форм управления сложностью в автономной экономической системе без использования понятия равновесия. Экономика видится Луману саморегулирующейся, описывающей себя системой, которая сложным образом реагирует на изменения среды, но четко следует своей автономной логике, реагируя только на собственные изменения. Наиболее подходящим теоретическим языком был бы холистический (институциональный) язык, в рамках которого исследовались бы динамические структуры коммуникации, предназначенные для снижения неопределенности. Такую конструкцию многие экономисты приняли бы как некое общее видение, онтологию хозяйственной жизни.

Значит ли всё это, что экономисты должны стать приверженцами Лумана? Мы сомневаемся, что такой исход мог бы понравиться даже ему самому. Но это значит, что идеи Лумана должны играть важную роль в исследованиях экономической науки, особенно, если мы хотим увидеть не просто картину развития специального знания, формы экономического мышления в междисциплинарном контексте.

Литература

Беньямин В. 2002 (1928). *Происхождение немецкой барочной драмы*. М.: Аграф.

Делёз Ж. 1995. *Логика смысла*. М.: Академия.

Луман Н. 2007. *Социальные системы. Очерк общей теории*. СПб.: Наука.

Норт Д. 2010. *Понимание процесса экономических изменений*. М.: ГУ ВШЭ.

Acemoglu D., Robinson J. 2006. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.

Aglietta M., Orléan A. 1982. *La violence de la monnaie*. Paris: PUF.

Arthur W. B. et al. 1997. Introduction. In: Arthur W. B., Durlauf S. N., Lane D. (eds). *The Economy as an Evolving Complex System II*. Reading, MA: Addison-Wesley. URL: www.santafe.edu/arthur/Papers/Pdf_files/ADL_Intro.pdf.

Baecker D. 2010 (Mimeo). *Wirtschaft der Gesellschaft*. June.

Baert P., Carreira da Silva F. 2010. *Social Theory in the Twentieth Century and Beyond*. London: Polity.

Baraldi C., Corsi G., Esposito E. 1997. *GLU. Glossar zu Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

²⁵ Тематика интересубъективности и рефлексивности в экономической теории лишь недавно стала частью методологической дискуссии; см.: [Fullbrook 2002; Davis, Klaes 2003].

- Beckert J. 2002. *Beyond the Market. The Social Foundations of Economic Efficiency*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Benjamin W. 1991. Ursprung des deutschen Trauerspiels. In: *Gesammelte Schriften*. Bd. I, 1. Fr. a. M.: Suhrkamp; 207–430.
- Chick V., Dow S. 2001. Formalism, Logic and Reality: A Keynesian Analysis. *Cambridge Journal of Economics*. 25 (6): 705–721.
- Chick V., Dow S. 2005. The Meaning of Open Systems. *Journal of Economic Methodology*. 12 (3): 363–381.
- Davis J. B. 2003. *The Theory of the Individual in Economics*. London: Routledge.
- Davis J., Klaes M. 2003. Reflexivity: Curse or Cure? *Journal of Economic Methodology*. 10 (3): 329–352.
- Dawid H., Fagiolo G. (eds). 2008. Special Issue on «Agent-Based Models for Economic Policy Design». *Journal of Economic Behavior and Organization*. 67 (2): 351–544
- Dow S., Ghosh D. 2009. Fuzzy Logic and Keynes's Speculative Demand for Money. *Journal of Economic Methodology*. 16 (1): 57–69.
- Fullbrook E. (ed.). 2002. *Intersubjectivity in Economics: Agents and Structures*. London: Routledge.
- Grandmont J. M. 1987. Distributions of Preferences and the Law of Demand. *Econometrica*. 55 (1): 155–62.
- Ganßmann H. 1988. Money — a Symbolically Generalized Medium of Communication? On the Concept of Money in Recent Sociology. *Economy and Society*. 17 (3): 285–316.
- Hartley J. 1997. *The Representative Agent in Macroeconomics*. London, New York: Routledge.
- Hildenbrand W. 1983. On the Law of Demand. *Econometrica*. 51 (4): 997–1019.
- Hutter M. 1994. Communication in Economic Evolution: The Case of Money. In: England R. W. (ed.). *Evolutionary Concepts in Contemporary Economics*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 111–136.
- Hutter M. 1999. Wie der Überfluß flüssig wurde. Zur Geschichte und zur Zukunft der knappen Ressourcen. *Soziale Systeme* 5 (1): 41–54.
- Janssen M. C. W. 1993. *Microfoundations: A Critical Inquiry*. London, New York: Routledge.
- Kirman A., Zimmerman J.-B. (eds). 2001. *Economics with Heterogeneous Interacting Agents*. Heidelberg: Springer Verlag.
- Kirman A. P. 2008. Economy as a Complex System. In: Durlauf S. N., Blume L. E. (eds). *The New Palgrave Dictionary of Economics*. 2nd ed. London; etc.: Palgrave Macmillan. URL: http://www.dictionaryofeconomics.com/article?id=pde2008_E000246.
- Kneer G. Nassehi A. 1993. *Luhmanns Theorie sozialer Systeme. Eine Einführung*. München: Fink.

- Kornai J. 1971. *Anti-Equilibrium*. Amsterdam: North Holland.
- Krause D. 2005. *Luhmann-Lexikon*. 4. Aufl. Stuttgart: UTB.
- Lucas R. 1976. Econometric Policy Evaluation: A Critique. In: Brunner K., Meltzer A. (eds). *The Phillips Curve and Labor Markets. Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. 1; 19–46.
- Luhmann N. 1988. *Wirtschaft der Gesellschaft*. Fr. a. M.: Suhrkamp.
- Luhmann N. 1995. *Social Systems*. Trans. by John Bednarz Jr., Dirk Baecker. Stanford: Stanford University Press.
- Marx K. 2000. *Das Kapital*. I. Washington: Gateway Editions.
- Maturana H. R., Varela F. J. 1980. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht, Holland: Reidel.
- Mirowski Ph. 2004. Philosophizing with a Hammer. *Journal of Economic Methodology*. 11 (4): 499–513.
- North D. C. 2005. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.
- Parsons T. 1968. Interaction: Social Interaction. In: *International Encyclopedia of the Social Sciences*. 7. New York: Macmillan; 429–441.
- Ritzer G., Goodman D. J. 2003. *Sociological Theory*. 6th ed. New York: McGraw-Hill.
- Ross D. 2005. *Economic Theory and Cognitive Science: Microexplanation*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Samuelson P. 1960. The St. Petersburg Paradox as a Divergent Double Limit. *International Economic Review*. 1 (1): 31–37.
- Shleifer A., Glaeser E. 2002. Legal Origins. *Quarterly Journal of Economics*. 117 (4): 1193–1229.
- Shleifer A., Glaeser E. 2003. The Rise of the Regulatory State. *Journal of Economic Literature*. 41 (2): 401–425.
- Serres M. 1980. *Le Parasite*. Paris: Grasset.
- Smith A. 1778. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. 2nd ed. London: Pr. for W. Strahan & T. Cadell.
- Stigum B 1990. *Toward a Formal Science of Economics*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Viskovatoff A. 1998. Two Conceptions of Theory. *Research in the History of Economic Thought and Methodology*. 16: 91–122.
- Viskovatoff A. 1999. Foundations of Niklas Luhmann's Theory of Social Systems. *Philosophy of the Social Sciences*. 29 (4): 481–516.

Viskovatoff A. 2000. Will Complexity Turn Economics into Sociology? In: Colander D. (ed.). *Complexity and the History of Economic Thought*. London: Routledge; 129–154.

Viskovatoff A. 2004. The Market as an Environment. *Journal des Economistes et des Etudes Humaines*. 14 (2): 55–70.

White H. 1981. Where do Markets Come from? *American Journal of Sociology*. 87 (3): 517–547.